

М. А. Фокина, М. Шохра

Семантические оппозиции в романе Владимира Максимова «Ковчег для незванных»

В статье представлен комплексный анализ семантических оппозиций, эксплицирующих концептуальное содержание романа Владимира Максимова «Ковчег для незванных». В повествовательном произведении известного русского прозаика второй половины XX века выявляются основные смысловые противопоставления, обусловленные темой, проблематикой, сюжетом, композицией и системой образов художественного текста. Дается краткий обзор лингвистического изучения оппозиций в системе языка и речи, определяются своеобразие их структуры и семантики, ведущие средства и приемы создания. Характеризуются научные методы исследования и специфика языкового материала. Последовательно анализируются семантика заглавия и эпиграфа, ключевые эпизоды, построенные с использованием смысловых оппозиций.

Рассматриваются две сюжетные линии, параллельное развитие которых связано с контрастным изображением героев и событий их жизни. С помощью контекстуальной антонимии, выраженной лексико-фразеологическими и синтаксическими средствами, в романе формируются семантические оппозиции, создающие выразительные текстовые антитезы. В контекстном окружении осуществляется смысловое развертывание оппозиций путём использования ярких эпитетов, метафор, фразеологических единиц, интертекстуальных вкраплений, символических образов, что характеризует своеобразие идиостиля писателя, транслирует самобытные черты его языковой личности. Анализируемые метафорические оппозиции отражают противопоставление бесчеловечных авторитарных принципов государственной власти и гуманистических основ религиозной веры. В связи с этим характеризуются вставные эпизоды романа, которые основаны на библейских сюжетах о ветхозаветном Ное, о пророке Моисее и блужданиях евреев по пустыне.

В выводах обобщаются результаты исследования и определяются его перспективы. Семантические оппозиции являются ядерными компонентами метафорических полей, занимают одно из центральных мест в структурно-смысловой организации художественного повествования, выражают авторские интенции, формируют текстовую модальность, участвуют в развитии сюжетных линий и создании образов литературных персонажей.

Ключевые слова: семантическая оппозиция, антитеза, контекстуальная антонимия, библеизм, советизм, метафорическое поле, символ, концептуальное содержание.

Для цитирования: Фокина М.А., Шохра М. Семантические оппозиции в романе Владимира Максимова «Ковчег для незванных» / М.А. Фокина, М. Шохра // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 3. – С. 116–132. DOI 10.35231/25419803_2022_3_116

В романе Владимира Максимова «Ковчег для незванных» (1976) представлено художественное осмысление проблемы власти и личности, нравственного выбора человека в условиях социального влияния политической идеологии и укрепления духовно-религиозных ценностей в сложный период послевоенного времени. В произведении рассказывается о переселении тульских крестьян на Курильские острова. Автор показывает, как простые русские люди преодолевают дальний путь и начинают обживать чужую землю. Использование библейских образов и советизмов, характеризующих сталинскую эпоху, создает жизненные контрасты: бесчеловечной государственной власти противопоставляются гуманистические духовно-религиозные ценности.

Анализ метафорических оппозиций является важным этапом исследования особенностей структуры и семантики художественного текста, функционирования ведущих образных средств, которые раскрывают концептуальное содержание произведения и характеризуют индивидуальное своеобразие творческой манеры писателя.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью изучения семантических противопоставлений с позиций дискурсивного анализа текста, с учётом различных экстралингвистических факторов, определяющих специфику образно-речевой системы произведения. Новизна исследования определяется недостаточной изученностью языковой личности Владимира Максимова в отечественной лингвистике.

Цель исследования: филологический анализ метафорических оппозиций романа путём выявления семантически противопоставленных языковых средств на синтагматическом и парадигматическом уровнях текста. Основные задачи исследования: определить особенности структуры, семантики и функционирования текстовых оппозиций, связанных с развитием сюжетных линий разных героев произведения.

Научная гипотеза: семантические оппозиции способствуют отражению авторских интенций, эксплицируют концептуальное содержание романа, являются ядерными компонентами метафорических полей, объединяющих образные

речевые средства, которые ярко характеризуют идиостиль писателя.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова трактует оппозицию как противопоставление: это «различие двух (или более) однородных языковых единиц, способное выполнять семиологическую функцию, т.е. быть семиологически релевантным» [3, с. 358]. Исследовательница выделяет несколько видов противопоставлений: билатеральное (двустороннее); бинарное (парное, двоякое); градуальное (ступенчатое); эквиполентное (равнозначное) и др. [3, с. 358–359].

Теория языковых оппозиций была впервые разработана Н.С. Трубецким в его фундаментальном исследовании «Основы фонологии» [19]. Характеризуя системность фонем, учёный обосновал классификацию смыслоразличительных оппозиций, выделил привативные, градуальные и эквиполентные отношения между членами оппозиции. Идеи Трубецкого получили дальнейшее развитие в отечественном языкознании. Р.О. Якобсон применил классификацию фонологических оппозиций по отношению к грамматическим категориям [23]. В.Г. Гак охарактеризовал онтологические и прагматические оппозиции: первые получают закрепление в словарном фонде языковой системы, а вторые служат конкретным прагматическим задачам автора в конкретной ситуации [6]. К прагматическим оппозициям относятся текстовые оппозиции. В исследовании Т.В. Григорьевой выявляется соотношение терминов, отражающих идею оппозиционности. Рассматриваются близкие по значению понятия: противоположность, противопоставление, противоречие, бинарность, антоним и др. [7, с. 19–27]. Наиболее общим по смыслу и свободным в употреблении исследовательница считает термин «противопоставление». Она выделяет три вида противопоставлений: противопоставление через отрицание любого понятия, антитезу и антонимию. Часто смысловые оппозиции получают выражение в языке в виде антонимической пары. Изучению антонимии и антонимических оппозиций посвящены исследования К.В. Гудковой [8], Л.А. Новикова [14–15], S. Jones [25] и др. Антитезы на материале русских пословиц характеризуются в книге Т.Г. Бочиной [5].

В современной лингвистике активно изучаются различные типы семантических оппозиций в системе речи [2; 9; 10; 18; 22; 24]. Большинство исследователей характеризуют текстовые оппозиции в политическом и /или публицистическом дискурсах: Т.В. Дубровская рассматривает оппозицию *сила – слабость* [9], а Е.В. Кишина – оппозицию *свой – чужой* [10] в политическом дискурсе; А.В. Щербаков анализирует основные приемы создания контраста в текстах современных российских СМИ [22] и др. Меньше изучены семантические оппозиции в художественном дискурсе, где они становятся яркими метафорами, отражающими концептуальное содержание литературного произведения. А.А. Осипова анализирует смысловые противопоставления советизмов и библеизмов в романе Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» [16]. Исследовательница обращает внимание на контекстное окружение семантических оппозиций, выявляет языковые особенности конкретизации их содержания с помощью системы речевых образных средств. Нередко в художественном тексте создается обширное метафорическое поле, которое представляет собой «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста» [1, с. 288]. Разновидностью метафорического поля являются ключевые образные поля, которые рассматриваются в исследовании Н.А. Николиной и З.Ю. Петровой в текстах современной русской прозы [13]. Авторы статьи характеризуют компаративные конструкции, связанные с развитием темы и сюжета произведения, его идейно-эстетическим содержанием и системой образов. В этом плане представляется актуальным и перспективным дальнейшее исследование в повествовательном дискурсе таких семантических оппозиций, которые являются ядерными компонентами метафорических полей и выполняют текстообразующую функцию.

Объектом научного исследования является текст романа Владимира Максимова «Ковчег для незваных». Языковым материалом послужили ключевые контексты – фрагменты произведения, в которых представлены семантические оппозиции, обусловленные темой, проблематикой, сюжет-

но-композиционными особенностями и системой образов романа. Анализируются сильные позиции текста (заглавие, эпиграф, начало и финал произведения), кульминационные эпизоды, фрагменты интертекста. Исследуемые контексты относятся к различным субъектно-речевым планам (монологическое слово третьего лица повествователя; прямая, внутренняя, косвенная и несобственно-прямая речь героев). Представленная работа базируется на принципах филологического анализа художественного текста: историзма, антропоцентричности и культурологической направленности. Используются различные методы исследования: описательный и оппозитивный методы, метод семантического анализа языковых единиц, метод интертекстуального анализа текста и др. Оппозитивный метод анализа художественного текста получил научное обоснование в исследовании Л.А. Новикова: «Оппозитивные (контрастные) свойства единиц разных уровней, степени сложности и характера определённым образом согласуются с их употреблением (дистрибуцией) в тексте... Оппозиции как глубинные структуры образов раскрывают суть их содержания и эстетической значимости, концентрируя внимание читателя на главном, доминирующем в них и делая само изучение текста более определённым и точным... Использование приёма оппозиций в анализе поэтики литературных произведений позволяет раскрыть семантико-эстетические функции словесных образов как обозначений персонажей и их поступков, различных фактов, событий, оценок художественно моделируемой действительности» [15, с. 270–271].

В романе Владимира Максимова прослеживается смысловая параллель переселения русских людей на Курильские острова с библейским сюжетом о Моисее и сорокалетнем странствовании евреев по пустыне. И если Моисей в конечном итоге спасает свой народ, то государственная затея Сталина рушится: автор показывает в финале романа, как после извержения курильского вулкана многие переселенцы гибнут, спасаются только двое. Смысловое противопоставление отражено автором уже в названии и эпиграфе к роману. Заголовочная метафора «Ковчег для незваных» представляет собой контаминацию двух известных библей-

ских выражений: ветхозаветного *Ноев ковчег* книжн. высок. 'средство спасения при бедствии'; публ. 'о разнородном по своему составу собрании людей' [4, с. 331] и евангельского афоризма *Ибо много званых, а мало избранных*, использованного писателем в качестве эпиграфа. В заглавии осуществляется замена компонента *званых* > *незваных*, что приводит к образованию противоположных смыслов. Пренебрегая заветами предков, забыв о Боге, безжалостно бросив родные края, переселенцы не находят желанного счастья: чужая земля не принимает «незваных».

Роман содержит вставные текстовые фрагменты, непосредственно не связанные с фабулой произведения. Такие эпизоды графически выделены в подглавки и оформлены курсивом. Они воспроизводят предполагаемые диалоги на небесах Бога со Спасителем Мира, Сыном Человеческим, а также представляют собой творческие переосмысления автором библейского сюжета о скитаниях евреев в Синайской пустыне. Лейтмотив долгого, трудного пути разворачивается на протяжении всего произведения. Создается обширное семантическое поле, раскрывающее смысл заглавия романа «Ковчег для незваных»: «утлые лодчонки... пятистенников плыли без руля и без ветрил по мутным водам российского безвременья»; «земля показалась ему огромным плывущим сквозь ночь кораблём куда-то ещё к неведомым ей самой берегам»; «этот выдавший виды железнодорожный чёлн должен был стать теперь для всех их домом и крепостью на много дней пути» [11, с. 7, 9, 14]. Семантический ряд лексем *лодчонки* – *корабль* – *чёлн* со значением 'судно, средство передвижения по воде' приобретают в романе метафорический смысл, становятся сквозными образами-символами, с помощью которых автор изображает не только конкретный путь русских людей на чужие и далёкие Курилы, но и достигает глубоких социально-философских обобщений, размышляя о переменчивости жизни, поступательном движении времени, непостоянстве мира. Создается динамическая картина окружающего бытия: плывут деревенские дома-пятистенники, земля, мир, люди. В результате усиления интертекстуальных связей романа с библейскими источниками происходит глобальное разворачивание сквоз-

ного образа, восходящего в Ветхом Завете и пронизывающего всю мировую культуру: сущее уподобляется течению реки.

Рассмотрим систему текстовых оппозиций, раскрывающих противопоставление государственной власти и божественной силы, на примере двух сюжетных линий, связанных с изображением жизненного пути разных героев: Ильи Золотарева, молодого карьериста, перспективного руководителя, и братьев Загладиных, Ивана и Матвея, – скромных, бескорыстных, трудолюбивых рабочих людей, репрессированных атеистической советской властью за религиозные убеждения. Когда-то давно Загладины были свидетелями подлого поступка Золотарева: ради собственной карьеры он сделал лживый донос на невиновного человека, впоследствии незаконно расстрелянного. Рассказывая о крутых поворотах судьбы Ильи Золотарева, писатель создает контекстуальную антонимию с помощью ключевых развернутых метафор *служебная лестница – наклонная плоскость*, которые характеризуют противоположные жизненные ценности: карьерный рост, достижение высокого социального статуса и нравственное падение, духовную деградацию человека. Продвижение *по служебной лестнице ‘по восходящей линии, от более низкой должности к более высокой’* [20, с. 348] приводит героя к предательству и полному моральному краху:

«... Золотарев впервые сел за *письменный стол*, ощутил под собой твердую устойчивость *стула*, вдохнул бессмысленно хлопотной атмосферы *присутственного места*... И он тихой сапой дрался не на жизнь, а на смерть за каждую пядь своего *места под солнцем*, расталкивая локтями близстоящих, а иногда и перешагивая через них, пока, лихо меняя *очередной стул на лучший*, не пересел в *номенклатурное кресло* и не пророс в него всеми своими конечностями и корешками. По той же причине Золотарев не женился по сию пору: боялся в семейной сутолоке упустить ещё один возможный шанс в своем *служебном подъеме*»; «Слепой в прошлом энтузиазм сделался для него сознательной и удобной личиной, с помощью которой он мог свободно плавать в капризных водах *номенклатурного моря*»; «Он ве-

рил, что... его судьбе суждено круто и бесповоротно измениться: *в иерархическом подъеме он выходил на последнюю прямую, и на этом пути любой ложный шаг мог стать для него смертельным*»; «Золотарев не сомневался, что отныне собственная судьба у него в руках, что поездка на Курилы станет началом его очередного восхождения и что главное в отведенной ему ниве жизни только начинается»; «Пусть этот Золотарев... проявит себя в самостоятельном деле, хлебнет хозяйского лиха вдали от кабинетной крепости, а выдержит, тогда можно будет подставить парню для пробы ещё ступеньку»; «Золотарев знал, чего от него ждут и, случись это в другой раз и в иной ситуации, ему не пришлось бы долго раздумывать над линией своего поведения. Но сейчас, прежде чем безоглядно пуститься по привычной наклонной, он на мгновение замер и похолодел, словно перед прыжком в студеную воду. Правда, колебание это длилось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы набрать полную грудь воздуха, а затем его понесло без сучка и задоринки, как по надежной шпаргалке. Он разливался перед ними хорошо вышколенным соловьем, на ходу угадывая их желания и не ожидая понуканий или подсказок: он жёг мосты, он развеивал душу по ветру, он окончательно прощался с самим собою, ему не о чем было больше сожалеть и не в чем раскаиваться»; «в нем... пробудилось горделивое сознание своей причастности к некоему избранному кругу, к племени победителей, к тем, кто управляет, а не подчиняется»; «Вокруг него зияла пустота, вся в призраках и руинах минувших встреч, неначатых дружб, несостоявшихся связей: он уйдет, исчезнет, превратится в прах, в пыль, не оставив после себя ни следа, ни памяти. И горше всего для Золотарева было сознавать, что эту долю он выбрал себе сам, что у него давно не осталось ни сил, ни желания что-либо исправлять в своей судьбе и что завтра утром он встанет и, не сожалея ни о чем, двинется дальше, по той же наклонной плоскости» [11, с. 21, 22, 29, 39, 62, 86, 92].

Карьерный рост партийного чиновника последовательно выражается лексико-фразеологическими средствами, которые способствуют развертыванию метафоры *служебная лестница: очередной стул; письменный стол; присутствен-*

ное место; место под солнцем; номенклатурное кресло; служебный подъем; номенклатурное море; иерархический подъем; очередное восхождение; ещё ступенька; избранный круг. Фразеологизмы с общим компонентом *присутственное место* устар. 'государственное учреждение; департамент, канцелярия, контора и т.п.' и *место под солнцем* книжн. высок. 'прочное, высокое положение в обществе' [20, с. 75] создают авторскую иронию и актуализируют в контексте семы 'престижная должность; солидный социальный статус'. Метафоры *номенклатурное кресло*, *номенклатурное море* содержат лексический повтор и восходят к советизму *номенклатура* собир. 'руководящие партийно-правительственные работники, имеющие привилегии во всех областях жизни' [12, с. 376]. Духовная деградация героя характеризуется с помощью фразеологизмов *пуститься по привычной наклонной*; *двинется... по той же наклонной плоскости* (*катиться по наклонной плоскости* экспрес. 'опускаться в нравственном отношении; терять моральные качества') [20, с. 295]. В контексте используется фразеонабор, который конкретизирует семантику устойчивого оборота *пуститься по наклонной плоскости*, раскрывает негативные качества героя: *разливался хорошо вышколенным соловьём*; *жёг мосты*; *развеивал душу по ветру* (*разливаться соловьём* разг. ирон. 'говорить с излишним увлечением о чём-либо незначительном'); *сжигать мосты* книжн. экспрес. 'решительно порывать с чем-либо прошлым, делать невозможным возврат к нему'; *развеивать по ветру* устар. неодобр. 'легкомысленно, бесцельно тратить ценности, деньги') [21, с. 177, 182, 235]. Расширение компонентного состава устойчивого оборота *развеивать по ветру* – *развеивал душу по ветру* путём добавления лексемы *душа* изменяет семантику фразеологизма: в тексте говорится не о материальном содержании, а о духовных ценностях, которые постепенно утрачивает герой в погоне за служебным успехом.

Карьеристским устремлениям лицемерного, эгоистичного, бесчестного Золотарева противопоставлена жизненная позиция братьев Загладиных, исповедующих христианские идеи. Смысловая оппозиция выражена текстовой антитезой:

«Листая личное дело Матвея, Золотарев как бы обозревал собственную жизнь в сопоставлении с жизнью своего бывшего подчиненного. Выходило – чем круче и выше возносилась спираль его удачливой судьбы, тем отвеснее и безысходней делались зигзаги Матвея по наклонной нищенского прозябания: судимость за бродяжничество перед самой войной, голодная эвакуация в Казахстан и административная ссылка впоследствии» [11, с. 168].

Антитезу образуют метафоры *спираль удачливой судьбы – зигзаги по наклонной нищенского прозябания*, в составе которых соотносительные лексические компоненты становятся контекстуальными антонимами: *спираль – зигзаги; удачливый – нищенский; судьба – прозябание*. Служебное возвышение морально опустившегося Золотарева изображается параллельно социальному падению нравственно чистого, неподкупного Матвея, старшего из братьев Загладиных, ставшего добровольным проповедником божественных заповедей на далеких Курилах, решительно отказавшегося от предлагаемого ему высокого религиозного сана. При встрече с Золотаревым Матвей прямо говорит о том, что советская власть никогда не сможет до конца разрушить многовековых христианских устоев:

«... *ваша власть и держится-то тридцать годов*, и сколько ещё продержится – это ещё бабушка надвое сказала, *а наша вера две тыщи лет стоит*, и сносу ей никогда не будет, помни, оттого-то мы и знаем всегда больше вас, всё видим» [11, с. 170–171].

Смысловая оппозиция выражена антитезой: *ваша власть и держится-то тридцать годов, а наша вера две тыщи лет стоит*. Семантическое противопоставление образуют словосочетания: *ваша власть – наша вера; тридцать годов – две тыщи лет*.

В письме младшему брату Ивану Матвей сообщает о своем отказе возглавить церковный приход: «От прихода я отказался, хоть из самой Москвы бумага была дадена, видно, востёр глаз патриарший, везде в соблазн вводит, только не по мне сия милость, потому как и митра их – прелесть

дьявольская, а патриарший клубок одна фальшь. С Божьей помощью воскресим Тело истинной Церкви Христовой, восстанет Матерь из праха в прежней красе и силе» [11, с. 179].

Слова Матвея построены на контрасте земного и небесного, дьявольского и божеского. Старший Загладин считает власть, даже церковную, большим искушением, она может погубить душу истинно верующего человека: *в соблазн вводит* (вводит в грех устар. 'соблазнять; побуждать к недозволенному') [20, с. 64]; *прелесть дьявольская* (дьявольский 'такой, как у дьявола; злобный, коварный') [17, с. 460]; *фальшь*. Он надеется на силу и могущество божественного слова, верит в преумножение числа христиан, способных укрепить православие: *с Божьей помощью воскресим; восстанет из праха* (восстать из праха книжн. экспрес. 'возродиться') [20, с. 98].

Под впечатлением от роковой встречи с Матвеем Илья Золотарев окончательно понимает, что он неправильно и нечестно строил свою жизнь, преследовал ложные цели, любой ценой стремился продвинуться по службе, не считаясь с окружающими людьми, нередко принося им боль и страдания: «Только сейчас, здесь, на краю света он с горечью осознал: то, что оставалось у него позади, ... было дорогой к этой вот нищей землянке, где его настиг призрак тяжкого груза давней молодости... И в том, что она – эта расплата – должна была настичь в пределах, где завершалась его земля и начиналось чужое небо, таился для него какой-то особый, ещё непостижимый ему смысл» [11, с. 171].

Семантическая оппозиция *завершалась его земля и начиналось чужое небо* содержит антонимические пары: *завершалось – начиналась; земля – небо*. Раскаявшийся Золотарев осознает, что у него нет будущего в новой жизни на новой земле, греховное прошлое не дает шансов на духовное спасение, поэтому герой сам выносит себе строгий приговор: добровольно уходит в мир иной, утонув в океане в разгар стихии. Контрастные метафоры *земля – небо* символизируют здесь прошлое и будущее, тёмные, низкие стороны прежней жизни и светлые, высокие перспективы завтрашнего дня.

В одном из вставных эпизодов содержится объяснение, почему в конце романа гибнут многие, а спасаются только

двое. В открытом океане тонет корабль. Перед неминуемой гибелью один человек представляет внутренний диалог со своей Судьбой:

«– Ты позаботилась о том, чтобы я сел именно на этот плавучий гроб, ещё в молодости предупредив меня о моей участи, но... за какие грехи вместе со мной должно погибнуть столько невинных?

– Успокойся, двадцать лет я собирала вас по всей земле на эту посудину, поверь – это была хлопотная работёнка!» [11, с. 145].

Семантический ряд *корабль – плавучий гроб – посудина* образует смысловые ассоциации с заглавием романа «Ковчег для незваных». Пророческие слова Судьбы предвещают последующее повествование об извержении вулкана, сильном цунами и трагической гибели многих переселенцев. Автор постепенно подготавливает читательское восприятие кульминационных событий романа. По мысли писателя, курильская стихия является неотвратимым наказанием для грешных людей, пренебрегающих нравственными ценностями, высокими моральными принципами. На протяжении романа несколько раз перифразируется эпиграф произведения, что способствует экспликации его смысла: *Народу много, а людей нету; Своих много, да все чужие*. Перифразы образуют семантические оппозиции, созданные по модели, аналогичной интертекстеме *Ибо много званых, но мало избранных*: они построены на антитезе, содержащей контекстуальные антонимы *народ – люди; свои – чужие*, и содержат общий компонент *много*. Безликая толпа духовно падших людей противопоставляется немногим цельным личностям, сохранившим свою внутреннюю индивидуальность, лучшие человеческие качества. Поэтому заглавие «Ковчег для незваных», обладая многомерными, объемными смыслами, приобретает также семантику, контрастную значению библеизма *Ноев ковчег*: символизирует возмездие, наказание за богоотступничество и грешную жизнь. Так формируется дизъюнктивная оппозиция, поскольку исходный словесный образ, творчески переосмысленный писателем, сводится к противоположному содержанию.

В финале романа актуализируются христианские идеи гуманизма, усиливается оптимистический, жизнеутверждающий пафос, создается позитивная эмоциональная тональность текста. Двое молодых героев, Фёдор и Любовь, спасаясь от стихии, неожиданно оказываются у японских берегов, видят чужой флаг, изображение восходящего солнца на белом поле, которое означает для них начало новой жизни. Писатель завершает повествование ветхозаветной цитатой из Книги Бытия, где говорится о спасении Ноя. Заключительная фраза романа, библейская цитата, провозглашает торжество земной жизни и передает великую силу божественной воли: «Впредь во все дни земли сеянье и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» [11, с. 190].

В романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных» создается речевая система семантических оппозиций, которые участвуют в экспликации концептуального содержания текста, организации художественного повествования и его отдельных сюжетных линий, создании образов литературных персонажей, формировании текстовой модальности. Семантические оппозиции основываются на выразительных антитезах, которые создаются с помощью контекстуальной антонимии. Смысловое развертывание метафорических противопоставлений осуществляется путём семантического взаимодействия лексических, фразеологических и синтаксических средств, которые объединяются в ключевые образные поля, обеспечивающие структурную и содержательную целостность всего романа. Специфической особенностью идиостиля писателя, оригинальной чертой его языковой личности является активное использование библейских образов и сюжетов. Интертекстуальные фрагменты ветхозаветной истории включаются в повествование о событиях советской действительности, в результате чего формируется противопоставленность двух непримиримых позиций: авторитарность атеистической государственной власти и гуманизм христианских идей.

Комплексное изучение семантических оппозиций в художественном повествовании может быть углублено и продолжено с учётом особенностей коммуникативной организации текста, его основных прагматических свойств и нарратив-

ных характеристик, а также в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах с точки зрения языковой репрезентации базовых концептов, образующих бинарные противопоставления.

Список литературы

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2019. – 333 с.
2. Андреева Г.В. Процедуры анализа контекста, организованного принципом контраста // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа: сб. науч. ст. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986. – С. 3–10.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
4. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. – 623 с.
5. Бочина Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2002. – 196 с.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
7. Григорьева Т.В. Метафорическая оппозиция «верх – низ» как способ языковой интерпретации действительности // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 2. – С. 33–38.
8. Гудкова К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях // Вестник СПбГУ. – 2012. – Серия 9. – № 3. – С. 68–71.
9. Дубровская Т.В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs слабость») // Научный диалог. – 2016. – № 7. – С. 23–27.
10. Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – №4 (48). – С. 174–179.
11. Максимов В.Е. Ковчег для незваных: Романы / В.Е. Максимов. – М.: Воскресенье, 1994. – 368 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
13. Николина Н.А., Петрова З.Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4. – С. 93–101.
14. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1973. – 290 с.
15. Новиков Л.А. Оппозитивный метод в поэтике // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Международной научной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 1999. – С. 269–279.
16. Осипова А.А. Интертексты-советизмы и библейские реминисценции в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов международной научной конференции / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 351–358.
17. Словарь русского языка: в 4 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985. – Том 1. – 696 с.
18. Сысоев В.А. Бинарные оппозиции в языке и речи // Экология языка на перекрестке наук: сб. науч. ст. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2010. – С. 266–271.
19. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

20. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1. – 391 с.
21. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 2. – 396 с.
22. Щербаков А.В. Приемы контраста в текстах современных российских СМИ // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. науч. работ, посвящённых 80-летию А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. – С. 390–395.
23. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
24. Jeffris, L. *Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning.* – London: Continuum, 2010. – 150 p.
25. Jones, S. *Antonymy: A corpus-based perspective.* – London: Routledge, 2002. – 212 p.

Madina A. Fokina, Mohammed Shohra

Semantic Oppositions in Vladimir Maksimov's Novel "The Ark for the Uninvited"

The article presents a comprehensive analysis of semantic oppositions that explicate the conceptual content of Vladimir Maksimov's novel "The Ark for the Uninvited". The main semantic opposition caused by the topic, issues, plot, compositions and system of images of the literary text are identified in the narrative work of the famous Russian prose writer of the second half of the 20th century. The authors of the article give a brief overview of the linguistic study of oppositions in the system of language and speech and dwell on the originality of their structure and semantics, the leading means and methods of creation. The article characterizes scientific methods of research and the specifics of the language material. The semantics of the title and epigraph, key episodes created with the help of semantic oppositions are analyzed. The authors examine two storylines, the parallel development of which is associated with a contrasting image of the characters and the events of their lives. Semantic oppositions are formed in the novel with the help of contextual antonymy, expressed by lexical, phraseological and syntactic means, which creates expressive textual antitheses: the service ladder is an inclined plane; the spiral of a lucky fate – the zig-zags of a beggarly existence; power lasts thirty years – faith is worth two thousand years; his earth ended – someone else's sky began. With the help of contextual antonymy, expressed by lexical, phraseological and syntactic means, semantic oppositions are formed in the novel, creating expressive textual antitheses. In the contextual environment, the semantic deployment of oppositions is carried out through the use of vivid epithets, metaphors, phraseological units, intertextual inclusions, symbolic images, which characterizes the originality of the writer's individual style, underlines the original features of his linguistic personality. The analyzed metaphorical oppositions reflect the opposition between the inhuman, authoritarian principles of state power and the humanistic foundations of religious faith. The authors of the article also analyze the inserted episodes of the novel, which are based on biblical stories about the Old Testament Noah, the prophet Moses and the wanderings of the Jews in the desert. The conclusions summarize the results of the study and define its prospects. Semantic oppositions are the core components of metaphorical fields, they occupy one of the central places in the structural and semantic organization of narration, express the author's intentions, form textual modality, participate in the development of storylines and the creation of images of literary characters.

Key words: semantic opposition, antithesis, contextual antonymy, biblical expression, sovietism, metaphorical field, symbol, conceptual content.

For citation: Fokina, M.A., Shohra, M. (2022). Semanticheskie oppozicii v romane Vladimira Maksimova «Kovcheg dlya nezvanyh» [Semantic oppositions in Vladimir Maksimov's novel «The Ark for the Uninvited»]. *Art Logos – The Art of Word*. No 3. pp. 116–132. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_3_116

References

1. Abramov, V.P. *Semanticheskie polya russkogo yazyka* [Semantic fields of the Russian language]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka, 2019. 333 p. (In Russian).
2. Andreeva, G.V. *Procedury analiza konteksta, organizovannogo principom kontrasta* [Procedures for analyzing the context organized by the principle of contrast] *Tekst i ego komponenty kak ob'ekt kompleksnogo analiza: sb. nauch. st.* [Text and its components as an object of complex analysis: collection of scientific articles]. Leningrad: LGPI im. A.I. Gercena, 1986. Pp. 3–10. (In Russian).
3. Ahmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh erminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 571 p. (In Russian).
4. Berkov, V.P. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [Unabridged dictionary of winged words of the Russian language] V.P. Berkov, V.M. Mokienco, S.G. SHulezhkova. Moscow: AST: Astrel': Russkieslovari Publ., 2005. 623 p. (In Russian).
5. Bochina, T.G. *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovic* [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 196 p. (In Russian).
6. Gak, V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformation]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 768 p. (In Russian).
7. Grigor'eva, T.V. *Metaforicheskaya oppozitsiya «verh – niz» kak sposob yazykovoj interpretatsii dejstvitel'nosti* [Metaphorical opposition 'top – bottom' as a way of linguistic interpretation of reality] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. 2014. No 2. Pp. 33–38 (In Russian).
8. Gudkova, K.V. *K voprosu ob antonimicheskikh i binarnykh oppozitsiyah* [On the issue of antonymic and binary oppositions] *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. 2012. Seriya 9. No 3. Pp. 68–71. (In Russian).
9. Dubrovskaya, T.V. *Metodologicheskie voprosy issledovaniya oppozitsij v politicheskom diskurse (na primere oppozitsii «sila vs slabost'») [Methodological issues in the study of oppositions in political discourse (on the example of the opposition 'strength vs weakness')] *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2016. No 7. Pp. 23–27. (In Russian).*
10. Kishina, E.V. *Semanticheskaya oppozitsiya «svoj – chuzhoj» kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov* [Semantic opposition 'friend or foe' as a realization of the ideological and manipulative potential of political discourses] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2011. No 4 (48). Pp. 174–179. (In Russian).
11. Maksimov, V.E. *Kovcheg dlya nezvanykh: Romany* [The Ark for the Uninvited: Novels]. Moscow: Voskresen'e Publ., 1994. 368 p. (In Russian).
12. Mokienco, V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdeprii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. St. Petersburg: Folio-Press Publ., 1998. 704 p. (In Russian).
13. Nikolina, N.A., Petrova Z.Yu. *Klyuchevye obraznye polya v tekstakh sovremennoj russkoj prozy* [Key figurative fields in the texts of modern Russian prose] *Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. 2021. No 4. Pp. 93–101. (In Russian).
14. Novikov, L.A. *Antonimiya v russkom yazyke (semanticheskij analiz protivopolozhnosti v leksike)* [Antonymy in Russian (semantic analysis of opposites in vocabulary)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1973. 290 p. (In Russian).
15. Novikov, L.A. *Oppozitivnyj metod v poetike* [Oppositional Method in Poetics] *Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: doklady VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*

[Structure and semantics of a literary text: reports of the VII International scientific conference]. Moscow: SportAkademPress, 1999. Pp. 269–279. (In Russian).

16. Osipova, A.A. *Intertekstemy-sovetizmy i biblejskie reminiscencii v romane V.P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity»* [Intertextems-Sovietisms and Biblical Reminiscences in V.P. Astafiev' Cursed and Killed] *Intertekst v hudozhestvennom i publicisticheskom diskurse: sbornik dokladov mezhdunarodno jnauchnoj konferencii / red.-sost. S.G. SHulezhkova* [Intertext in literary and journalistic discourse: collection of reports of the international scientific conference]. Magnitogorsk: Izd-voMaGU, 2003. Pp. 351–358. (In Russian).

17. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomah* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes] AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A.P. Evgen'evoj. 3-e izd. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1985. Tom 1. 696 p. (In Russian).

18. Sysoev, V.A. *Binarnye oppozicii v yazyke i rechi* [Binary oppositions in language and speech] *Ekologiya yazyka na perekrestke nauk: sb. nauch. st.* [Ecology of language at the crossroads of sciences: collection of scientific articles]. Tyumen': Tyumenskij gosudarstvennyj universitet, 2010. Pp. 266–271. (In Russian).

19. Trubeckoj, N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology] per. s nem. A.A. Holodovicha; pod red. S.D. Kacnel'sona. Moscow: Aspekt Press Publ., 2000. 352 p. (In Russian).

20. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes] Sost. A.I. Fedorov. Moscow: Citadel' Publ., 1997. Tom 1. 391 p. (In Russian).

21. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes] Sost. A.I. Fedorov. Moscow: Citadel' Publ., 1997. T. 2. 396 p. (In Russian).

22. Shcherbakov, A.V. *Priemy kontrasta v tekstah sovremennyh rossijskih SMI* [Techniques of contrast in the texts of modern Russian media] *Rechevoe obschchenie i voprosy ekologii russkogo yazyka: sb. nauch. rabot, posvyashchyonnyh 80-letiyu A.P. Skovorodnikova* [Speech communication and questions of ecology of the Russian language: Sat. scientific works dedicated to the 80th anniversary of A.P. Skovorodnikova]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2009. Pp. 390–395. (In Russian).

23. Yakobson R.O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1985. 460 p. (In Russian).

24. Jeffris, L. *Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning*. London: Continuum, 2010. 150 p. (In English).

25. Jones, S. *Antonymy: A corpus-based perspective*. London: Routledge, 2002. 212 p. (In English).

дата получения: 22.07.2022 г.
дата принятия: 04.08.2022 г.

date of receiving: 22.07.2022
date of acceptance: 04.08.2022